

УДК 81'36
ББК 81.2-2

С.В. Коростова

**ПОЛЕ ЭМОТИВНОСТИ:
СТРУКТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ МИКРОПОЛЕЙ**

В статье рассматривается вопрос о категории эмотивности, формирующей функционально-семантическое поле, о соотношении языковых средств выражения микрополей функционально-семантического поля эмотивности с маркерами других полей, прежде всего, поля экспрессивности и оценочности, определяется специфика узуальной и контекстуальной эмотивности.

Ключевые слова: *эмотивно-оценочный компонент значения, микрополя эмотивности, рациональная и эмоциональная оценка, эмотивное высказывание.*

Коростова Светлана Владимировна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8-905-429-87-01
E-mail: svetolen@yandex.ru

Вопрос о функционально-семантическом поле эмотивности – один из актуальных в современной лингвистике, так как находится в центре полипарадигмальной ситуации последних научных исследований. Представляется важным выяснить специфику поля эмотивности, средства его выражения в языке и место в ряду других функционально-семантических полей.

Особенно значим в решении поставленной задачи системноцентрический подход к анализу языковых явлений, так как он предполагает полисистемный анализ языкового материала. Этот анализ имеет первостепенное значение в разработанной А.В. Бондарко модели функциональной грамматики. Именно «системно-интегрирующий на функциональной основе» [Бондарко, с. 7], или полисистемный анализ, охватывает элементы разных уровней и аспектов языка. Этот тип анализа лег в основу выделения функционально-семантических полей, в составе которых выступают разноуровневые единицы, классы и категории, объединенные общностью семантических функций. Базой для такой общности является семантическая категория. Категория эмотивности отвечает всем названным критериям, на что указывал в своих работах В.И. Шаховский: «Эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции – выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических эле-

ментов (эмотивность, как установлено, имеет формальное выражение на всех “этажах” языка – фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение – центр – периферия и пр.» [Шаховский, с. 112–113].

Структура функционально-семантического поля эмотивности определяется, на наш взгляд, его полицентричностью, предполагающей отсутствие в центре поля такой грамматической категории, которая концентрировала бы в целостной системе специализированное и регулярное выражение данной функции, т.е. функции выражения эмоций. Полицентричность эмотивности, на наш взгляд, связана с существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального, что определяется конситуацией. Первое микрополе (зона) эмотивности – микрополе импульсивности – актуализируется за счет реактивов, или импульсивов, т.е. тех языковых средств, в семантике которых эмотивность является компонентом денотативного значения, а значит реализация эмотива в речи происходит на уровне бессознательного, рефлексивного, причем не учитывается адресованность речевого акта, его ориентация на другого. К таким языковым средствам можно отнести междометия, инвективы, лексические эмотивы, специальные фразеологизмы эмотивного характера, включая устойчивые сравнения. Микрополе эмотивной оценочности, в реализации которого задействовано интеллектуальное начало, причем оно минимально, доминирует эмоциональность (бранные слова, эмотивные синтаксические конструкции с частицами «какой, как» типа *Какой прекрасный вид!*, коммуникативы типа *Где наша не пропадала!* и т.п.). Микрополе прагматической эмотивности также может быть представлено нечленимыми предложениями непонятной семантики, в которых преобладает интеллектуальное, рациональное начало, сопровождаемое информацией о психическом состоянии говорящего в речевом акте воздействия, направленном исключительно на собеседника (например: *Еще чего <не хватало>!* – «Выражение категорического отрицания, несогласия в сочетании с возмущением и т.п... – Витя, помоги мне сделать сегодня уроки! – *Еще чего!* (Носов, Витя Малеев в школе и дома).[Меликян, с. 92]). Кроме коммуникативов, в названное микрополе могут входить восклицательные и вопросительные предложения, энантиосемичные высказывания, обращения, лексический и синтаксический повторы.

Эмотивность достаточно полно исследована именно на лексическом уровне языка, хотя в вопросе определения специфики эмотивного компонента в семантической структуре слова существует несколько точек зрения. Большинство ученых считает, что эмотивная сема является компонентом коннотации и лишь сопутствует денотативному компоненту значения слова [Шаховский; Вольф, 2006, и др.]. Однако объем понятия «коннотация» в разных концепциях варьируется.

Некоторые лингвисты (Филиппов; Стернин) относят к коннотации эмотивный и стилистический компоненты значения слова, другие – только эмотивный компонент (Ризель, 1978). Исследование средств актуализации категории эмотивности на синтаксическом уровне связано с коннотативным значением высказывания, которое наслаивается на его семную структуру (Вольперт, Пиотровская).

В современной лингвистике термин «эмотивность» используется и как синоним понятия «оценочность». Рассматривая оценку как модальность, Е.М. Вольф выделяет признаки оценочного отношения субъекта к объекту: «Эти признаки следующие – «эмотивность», или оценочность», как собственно отношение по признаку «хорошо/плохо» [Вольф, 2006, с. 12]. Е.М. Вольф считает, что в большинстве случаев эмотивность как аспект оценки неотделима от обозначения свойств объекта, отношения субъекта к объекту: «Эмотивность выступает на первый план в оценочных выражениях типа *Какая прелесть!*, в высказываниях, включающих аффективные слова вроде *прекрасный, отличный, скверный, дрянной*. Большинство слов-оскорблений также включает прежде всего эмотивный компонент оценки: *Так, болван!* – в первую очередь говорит об отношении говорящего к объекту оценки, а не о свойствах последнего. Важно, однако, подчеркнуть, что эмотивность имеется во всех оценочных выражениях, отражая присутствие в них субъекта.» [Вольф, 2006, с. 38 – 39]. Таким образом, ученый делает весьма важный, на наш взгляд, вывод о том, что эмотивность всегда одновременно выражает и оценочность, т.е. средства актуализации функционально-семантического поля эмотивности являются одновременно и способами выражения оценки, поскольку и эмотивность, и оценочность являются компонентами субъективной модальности. Однако оценка может включать и рациональный компонент, причем он преобладает, если в высказывании используются предикаты мнения. В этом случае эмотивность в определенной степени нейтрализуется, даже если используются аффективные слова, слова с эмотивным компонентом семантики (ср. *Какой отвратительный тип!* – *Я считаю его отвратительным*).

По мнению Л.Ю. Буяновой и Ю.П. Нечая, эмотивность имеет как узуальный, так и ситуативно-речевой характер. В качестве аргументов ученые приводят словарные толкования эмотивов (например, *рыло (о лице), дружище* и т.п.), их употребление в речи и восприятие как эмотивных носителями языка вне контекста [Буянова, Нечай, с. 46], хотя они сохраняют свою эмотивность и в контексте. О том, что язык и речь не противостоят друг другу как «некие замкнутые системы» писал В.Г. Адмони, справедливо замечая не только их постоянную соотнесенность друг с другом, но и возможность перехода друг в друга: «Нет ни одной грамматической категории, ни одного грамматического явления, которые были бы только принадлежностью языка или только принадлежностью речи» [Адмони, с. 33].

Представленные теоретические положения подтверждают существенные свойства семантических категорий, которые, по утверждению А.В. Бондарко, есть «универсальные («надязыковые») константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [Бондарко, с. 23]. Таким образом, являясь основой поля, функционально-семантическая категория эмотивности – одна из коммуникативных категорий языка, важный компонент его прагматики, так как отражает субъективные смыслы и отношения говорящих. Коммуникативная доминанта в функционально-грамматических исследованиях актуализирует прагматические аспекты анализа поля эмотивности. По сути, характеризуя макрополе эмотивности, следует прежде всего говорить о его прагматической составляющей, так как вполне очевидна функциональная значимость поля именно для организации высказывания и текста.

Прагматика предполагает осуществление в акте речи определенного намерения говорящего, его иллюкутивной цели выразить эмоции. Выделяя две ипостаси эмотивности как функционально-семантической категории, основной функцией которой является выражение эмоций, В.И. Шаховский разграничивает прагматическую составляющую категории, связанную с субъективным отношением говорящего к объекту оценки, которая всегда экспрессивна, и эмотивность как компонент коннотативной семантики слова, высказывания, текста. Причем выделенные компоненты различаются онтологически: если эмотивность первого типа регулярно пересекается с функционально-семантической категорией оценочности и субъективной модальности, то эмотивность второго типа имеет узальный характер и может актуализироваться или нейтрализоваться в речевом контексте. Например, в трилогии К. Симонова «Живые и мертвые» эмотивность первого и второго типа актуализируется, как правило, в прямой и несобственно-прямой речи, а в авторском повествовании эмотивность второго типа чаще всего нейтрализуется, здесь преобладают средства выражения категории экспрессивности (тропы, оценочные фразеологизмы, разного рода повторы и др.): *...И, глядя в эти беспощадные в ту минуту женские лица, Климович заново пережил весь свой крестный путь, начавшийся потерей семьи. **Вся горечь, которую он накопил с первого дня войны, все кровавые дороги, все потери, все подбитые немцами и сожженные своей рукой танки** – все это собралось в один кулак и этим кулаком его ударили прямо в сердце: «**Что, танкисты, отвоевались?**»* (Живые и мертвые, гл.15). Эмотивное высказывание прямой речи представляет собой вопросительную конструкцию, выражающую негативное эмоциональное состояние говорящего, чувство досады, укор, связанный с развитием ситуации по иному сценарию, чем тот, который был ожидаем. Эмотивно-оценочный глагол *отвоевался* в данном контексте является ядерным компонентом поля эмотивности, актуализирует семантику оценочности, интенсифицирует высказывание, придает ему экспрессию. Однако в другом контексте эмотивность глагола может

быть нейтрализована, хотя оценочность как элемент коннотативной семантики сохраняется: ... *Но летом сорок четвертого года, когда прямо перед носом зачехленной уже, готовой к переезду батареи выскочили немецкие танки, Гуськова ранило совсем не легонько. Почти сутки он не приходил в себя. А когда очнулся и поверил, что будет жить, утешился: все, **отвоевался**.* (В. Распутин. Живи и помни).

Говоря о тесной взаимосвязи категорий и функционально-семантических полей оценочности и эмотивности, признаваемой большинством исследователей, следует определить сущность отношений между ними. В работах Е.М. Вольф, В.Н. Телия эмотивность рассматривается как факультативная часть оценочности. Однако аксиологическая оценка по признаку *хорошо/плохо* не имеет отношения к выражению эмоций, так как является оценочным рациональным суждением. Если оценочное суждение выполняет воздействующую функцию, то эмоции, испытываемые говорящим, лишь сигнализируют о его внутреннем психологическом состоянии, его реакции на ситуацию. Е.М. Вольф утверждает, что разделение чисто рационального и эмоционального в языке является условным. В зависимости от того, «какое начало лежит в основе суждения о ценности объекта, эмоциональное или рациональное», в языке различаются способы выражения двух видов оценки. Эмоциональные процессы характеризуются как положительные или отрицательные в зависимости от того, как соотносится действие, которое человек производит, или воздействие, которому он подвергается, с его потребностями, ценностями, установками. Соответственно положительное эмоциональное воздействие и эмотивная реакция на него получает положительный знак, а отрицательное – отрицательный. Как замечает Е.М. Вольф, радость, наслаждение, симпатия подразумевают переживания типа «удовольствие», для которых характерна оценка «хорошо», а огорчение, гнев, горе – переживания типа «неудовольствие», которые имеют оценочный знак «плохо» [Вольф, 1989, с. 60].

Рассматривая эмоциональность как текстовую категорию наряду с модальностью и оценкой, Т.В. Романова относит эмоциональную оценку к составляющим субъективной модальности, утверждая, что модальные реакции связаны с определенным эмоциональным состоянием говорящего, поэтому эмоциональность входит в модальность (через «я» говорящего). Эмоциональная экспрессия, в которой отражается эмоциональное отношение говорящего к предмету речи, является специфической формой выражения отношения человека к окружающему его миру, что дает основания для включения эмоциональной экспрессии в категорию модальности. Категория модальности и категории эмоциональности, экспрессивности не тождественны содержательно, а находятся в отношениях части и целого. Категория модальности значительно шире. Нельзя не согласиться с такой трактовкой категории модальности, хотя представляется более логичным сравнение с модальностью как категорией языка не эмоциональности

как психолингвистической, а эмотивности как языковой категории, в функции которой и входит выражение эмоционального отношения к предмету речи и объекту оценки. Значимым является утверждение ученого о дифференциации двух видов текстов: цель одного – выражение эмоций, это эмотекст, т.е. эмотив (по В.И. Шаховскому), цель другого – эмоциональная оценка. Причем понятие эмоциональной оценки связано, по мнению Т.В. Романовой, с описанием чувств-отношений или чувств-состояний, так как в этом случае эмоции выражены опосредованно. Исследования классических художественных текстов показывают, что эмоциональная оценка типична для авторского повествования, а эмотив, эмотекст преобладает в диалогах персонажей, в их внутренней речи, причем такое положение характерно прежде всего для третьеличного нарратива. В повествовании от 1 лица элементы эмотекста могут входить и в речевой план автора-рассказчика, например: *Итак, мы спустились с Гуд-горы в Чертову долину... **Вот романтическое название!** Вы уже видите гнездо злого духа между неприступными утесами, – не тут-то было: название **Чертовой долины** происходит от слова «черта», а не «черт», ибо здесь когда-то была граница Грузии* (М.Ю.Лермонтов. Герой нашего времени). Романтические восклицания по поводу горного пейзажа вызывают скрытую усмешку у всезнающего и много испытавшего в своей жизни повествователя, эта ирония автора по большей части обращена к читателю-интерпретатору, ожидающему романтики.

Эмотивный речевой акт как дискурсивная реализация функционально-семантического поля не обязательно служит целям коммуникации в том понимании, что она предполагает существование адресата, другого. Эмотив может быть автокоммуникативен, т.е. целью является не воздействие, а выражение позитивных или негативных эмоций, которое осуществляется в отсутствии реального собеседника, как реакция на ситуацию, так или иначе связанную с виртуальным адресатом, например: *...Пять почерневших, тронутых голодом лиц, пять пар усталых, натруженных рук, пять измочаленных, грязных, исхлестанных ветками гимнастеров, пять немецких, взятых в бою, автоматов и пушка, последняя пушка дивизиона, не по небу, а по земле, не чудом, а солдатскими руками перетащенная сюда с границы за четыреста с лишним верст... **Нет, врите, господа фашисты, не будет по-вашему!*** (К. Симонов. Живые и мертвые, гл.6).

Несомненна воздействующая сила эмотива, если он является реакцией на диалогическую реплику, т.е. на эмоциогенный словесный стимул, например: *...Лопяхин обратил к нему рассеянный взгляд, недовольно спросил:*

- Ты чего паникуешь?

- **Как же это «чего»?** – возмутился старшина. – Ты видишь, кто идет?

- *Вижу. Типичная женщина. В юбке и при всех остальных достоинствах. Просто прелесть, а не женщина!* – восторженно сказал Лопухин.

- *«Типичная!» «Прелесть в юбке!»* – яростным шепотом передразнил старшина. – *Не женщина, а памятник идет...* (М.А. Шолохов. Они сражались за родину).

На грамматическом уровне ирония как одна из разновидностей эмоций имеет место, когда говорящий намеренно употребляет «чужие» грамматические структуры, т.е. структуры, не характерные для его речи (как в последнем примере). Подражая чужой речи или используя иноязычные конструкции, говорящий может давать цитируемой речи, как и всей ситуации в целом, отрицательную оценку, таким образом воздействуя на ход событий. Однако говорить о воздействии как единственной функции эмотивных языковых средств, по нашему мнению, нельзя, поскольку маркеры ФСП эмотивности выполняют и регулятивную функцию, т.е. функцию регулирования поведения как адресата, так и адресанта.

Особое место среди средств выражения функционально-семантического поля эмотивности занимают междометия и восклицательные предложения – специализированные средства выражения эмоций и оценок. Специализированность междометия состоит в том, что эмоциональное содержание является его денотативным, основным значением. Денотативным значением эмотивности обладают также восклицательные предложения. Термин «восклицательное предложение» условен, так как речь здесь идет не об отдельном типе предложения, обладающем своими формальными свойствами, а об обычной форме повествовательного (вопросительного, побудительного) предложения, которая приобретает в речи восклицательную интонацию. Восклицательность в виде особой эмоциональной интонации накладывается на разные типы предложений – на повествовательные, вопросительные, побудительные, на двухчленные, нерасчлененные (синтаксические фразеологизмы, коммуникемы), превращая их в эмоционально насыщенные.

В центре поля эмотивности находятся также энантиосемичные высказывания, употребление которых объясняется заключенными в них скрытыми смыслами, актуализирующимися в контексте. Специфика коннотаций в данных синтаксических конструкциях состоит в том, что они возникают на основе сосуществования в одном контексте двух противоположных значений, двух голосов, по М.М. Бахтину, которые не превращаются в третье, а воспринимаются одновременно. Самым распространенным средством создания иронии является так называемое «двухголосое» слово или высказывание: «Посмотрите, какой он умный!» (не умный, а глупый) или «Хорош вечер!» (не вечер, а ночь). Подобные высказывания имплицитно содержат негативную оценку события или адресата, при этом развивается энантиосемичное значение высказывания. Второй голос декодируется контекстом,

а маркером иронии является интонация, которая всегда сопутствует «двухголосому» слову, но может и самостоятельно выражать ироническую оценку. Энантисемичные высказывания выражают содержание экзистенциальной пресуппозиции: – *Я напишу о твоих проделках! – Вот испугал-то! Пиши, сколько душе угодно.* Знание факта, связанного со статусом или индивидуальными характеристиками собеседника, позволяет говорящему актуализировать экспрессивно-ироническое и эмотивно-оценочное значение энантисемичного высказывания. Как справедливо замечает Г.Ф. Гаврилова, «вторичный смысл таких конструкций реализуется за счет их синтагматики: “Андрей ему поможет. – Поможет он. Как же. Держи карман шире”. Ср.: «Кто ему поможет? У него ведь нет родных». Негативное значение приведенных выше утвердительных предложений всегда сопровождается дополнительными субъективно-модальными наслоениями, которые реализуются в виде эмоционального неприятия факта, о котором сообщается (огорчения, возмущения и т.п.).» [Гаврилова, с. 20] «Передаваемая информация, – пишет Г.Ф. Гаврилова, – в случаях синтаксической энантисемии – повторение того, что находится в сфере значения собеседника, но уже в виде “маски” отрицательного высказывания, содержащего иронию, сарказм в отношении того, в чем, по мнению говорящего, ошибочно убежден собеседник. При этом в роли вторичных возможны только такие структуры, семантика которых как бы находится на грани утверждения и отрицания. Это конструкции с предикатами в форме будущего времени, повелительного наклонения; вопросительные предложения, которые отражают незнание говорящим, существует ли этот факт в реальности» [Гаврилова, с. 21].

В лексике носителями денотативных значений эмотивности являются словообразовательные элементы, коррелирующие с соответствующими нейтральными вариантами: мальчишка – мальчик, мамочка (мамуля, мамаша) – мать. Слова «страх», «болван» и подобные к узультимативным эмотивам не относятся по двум причинам: а) эти слова не имеют нейтрального варианта, б) эти слова выражают не эмоции, а понятия. Однако в эмотивном контексте они приобретают определенные коннотации, причем оценочный знак зависит от экстралингвистической ситуации (ср. *Сердце в ней трепетало от страха. – Страх как испугался!*)

Основополагающим является тот факт, что все языковые средства реализации ФСП эмотивности отражают эмоции, переживания говорящего в речи. Об этом пишет В.И. Шаховский, рассматривая эмотивные приращения смысла в речи как косвенные показатели «виртуальных эмотивных сем семантики языковых единиц» [Шаховский, с. 10]. Нельзя не согласиться с утверждением ученого о том, что потенциальные эмотивные семы языковых единиц в речевых ситуациях (чаще в конфликтных и предконфликтных – С.К.) являются основой для новых эмотивных валентностей, а это, в свою очередь, подтверждает гипотезу «о бесконечности состава речевых, т.е. некодифицированных

эмотивов (эмотивно окрашенных единиц), базой которых является потенциальная бесконечность и открытость лингвистических множеств» [Шаховский, с. 10–11]. Таким образом, функционально-семантическое поле эмотивности опирается в процессе актуализации в речи на экстралингвистические параметры ситуации, которая оценивается как эмотивная адресантом и воспринимающим эмотивное высказывание интерпретатором. Общие фоновые знания о ситуации и об аксиологическом статусе языковых единиц определяют эффективность коммуникации, в том числе и литературной, где поле эмотивности проецируется на текст в виде эмотивно-оценочных смыслов, исходящих от автора-повествователя и интерпретируемых читателем.

В отличие от ФСП интенсивности, оценочности (негопозитивности) и других полицентрических функционально-семантических полей, поле эмотивности не имеет четких границ: несмотря на наличие ядерных компонентов поля – реактивов, принадлежащих микрополю импульсивности (междометий, инвективов, бранных слов, частиц и т.п.), единственной функцией которых является выражение эмоций, в языке существуют слова и синтаксические конструкции, в которых эмотивная семантика сопутствует дескриптивной (гадкий, подлый, мордашка и т.п., а также интонационные модификации синтаксических моделей, эмотивные коммуникативы), эти языковые средства формируют микрополе эмотивной оценочности, поскольку в его реализации задействовано, помимо эмоционального, и интеллектуальное начало. Микрополе прагматической эмотивности, основной функцией которого является воздействие на адресата, а вторичной – передача эмотивно-оценочной информации о собственных переживаниях говорящего, реализуется за счет коммуникативов, восклицательных и вопросительных предложений, энантиосемичных высказываний, эмотивных текстов.

На периферии микрополей ФСП эмотивности могут быть расположены языковые единицы, обладающие потенциальной эмотивностью, реализующейся в контексте. Эмотивный текст, эмотивное высказывание представляет собой, по Никитину, координированное единство прагматических и когнитивных структур сознания, именно общая эмотивная прагматическая направленность текста способствует реализации прагматического потенциала эмотивных языковых единиц. Причем эмотивное высказывание представляет собой особый коммуникативный тип, в котором эмотивный компонент занимает основную позицию в смысловой структуре высказывания. На наш взгляд, именно эмотивное высказывание актуализирует в речи компоненты микрополей функционально-семантического поля эмотивности. В речи функционально-семантическое поле эмотивности постоянно коррелирует с маркерами других полей, прежде всего поля экспрессивности и оценочности, усиливая их воздействующую функцию.

Литература

- Адмони В.Г.* Основы теории грамматики. М., 2004.
- Бондарко А.В.* Теоретические проблемы русской грамматики. СПб., 2004.
- Буянова Л.Ю., Нечай Ю.П.* Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации : монография. Краснодар, 2006.
- Вольф Е.М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989.
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. М., 2006.
- Гаврилова Г.Ф.* Синтаксис предложения : избр. тр. Ростов н/Д; 2005
- Меликян В.Ю.* Словарь: Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М., 2001.
- Романова Т.В.* Модальность. Оценка. Эмоциональность : монография. Н. Новгород; 2008.
- Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 2008.